

татив чередованием основ, сохраняя таким образом остатки видовой системы, поглощенной регулярным спряжением. Спряжение статических глаголов осуществляется менее последовательно, что объясняется постепенным обособлением качественной характеристики от глагола: наряду с качественными глаголами в языке распространяются адъективные энклитики, служащие определениями имени существительного. Ср.: *nì-nèéz* 'он высок' (качественный глагол), *ʔàškìl-nééz* 'высокий мальчик' (адъективная энклитика), *L'ìlž-sò* 'большая змея' — *ʔáńlò* 'она (т. е. змея) большая'. Это шаг в сторону явления, называемого в научной лингвистической литературе инкорпорированием прилагательного. Несмотря на процесс обособления от глагола атрибутивной характеристики, имен-ные части речи (существительные, прилагательные, числительные) в навахо свободно выступают в качестве статических глаголов.

Переход части глаголов качества в разряд адъективных энклитик сопровождается номинализацией глаголов и целых глагольных выражений, что в навахо осуществляется посредством энклитик *-í*, *-íí*, и других: *sì-dò* 'он (например, камень) горяч' — *sì-dòh-ì* 'тот, который горяч', *dì-yaáh* 'он отправляется' — *dì-yaáh-í* 'тот, который отправляется'; *jìl-yaqʔ* 'вершина горы' — *jìl-yaqʔ-í* 'горцы, горский народ' (букв. 'те, которые на горе'). (Перевод в высшей степени приблизительный, поскольку энклитика *-ì* сообщает слову или выражению, к которому присоединяется, субстантивный и атрибутивный характер. Э. Сепир и Г. Ойхер едва ли удачно считают подобные дериваты придаточными определительными предложениями [13, с. 107]. Распространение энклитик явно связано с процессом номинализации и вербализации, о чем речь пойдет далее.)

В навахо довольно четко прослеживается связь субъектно-объектных и притяжательных префиксов и независимых местоимений: *ší* 'я' — *š-dòʔi* 'он видит меня' (*ší* ʃ перед гласным звуком корня) — *ši-má* 'моя мать'. Получает развитие категория принадлежности: префиксально различаются отчуждаемая и неотчуждаемая принадлежность. Местоименные префиксы употребляются с послелогом: *ší-ši* 'ко мне'. Послелог проявляет тенденцию к сращению с глаголами.

Язык тлингит (или колушап) [14] структурно-типологически значительно отличается от хупа и навахо, по-видимому, именно из-за того, что он развивает структуру этих языков: диахронически язык тлингит продолжает линию развития хупа и навахо, но типологически он обнаруживает больше сходных черт с тюркскими, нежели с родственными языками.

Разница между именными и глагольными основами в языке тлингит очевидна, но есть основы, общие для имени и глагола. Качественная характеристика в значительной степени обособилась от глаголов: категория, которая прежде была характеристикой глагола (статические, или качественные глаголы), почти распалась, о чем свидетельствует большое число примеров (*klé* 'быть хорошим', но *Lèt!* 'белый'); слова, прежде составляющие глагольную категорию, служат определением существительного, практически ничем от него не отличаясь: ср. сочетания слов в тлингит *Lèt! qa* 'белый человек', 'белые люди', навахо *ʔàškìl-nééz* 'высокий мальчик' (*-nééz* — адъективная энклитика) и турецком *yahşi (bir) adam* 'хороший человек', 'хорошие люди'. Порядок слов в синтагме в турецком и тлингит совпадает *Adj+N*.

Глагол располагает большим числом префиксов, вероятно, благодаря слиянию послелогов с глагольными основами. Глагольные суффиксы преимущественно временные; некоторые суффиксы — общие для имени и глагола. Не столь четко прослеживается и не всегда существует связь субъектно-объектных и посессивных префиксов и независимых местоимений. В языке есть два ряда форм принадлежности: для терминов родства и прочих существительных. Но по структуре категория принадлежности (точнее, одна из ее структур) представляет собой тюркский изафет второго типа (имя сущ. в именит. падеже + имя сущ. в именит. падеже + аф-